

Научная статья

УДК 334+394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82>

КАК ВЫЖИВАЮТ В СЕВЕРНОМ ПОСЕЛКЕ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИОБЬЯ

**Елена Петровна
Мартынова**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, ep_martynova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Аннотация. Статья посвящена анализу хозяйственно-экономических практик коренных народов Северного Приобья (хантов и манси), к которым они начали прибегать в период постсоветских трансформаций. Цель исследования – показать, как сельские жители использовали различные стратегии выживания в условиях тотальной безработицы и рыночной стихии, как они реагировали на инициативы государства по урегулированию острых социально-экономических проблем народов Севера. Работа основывается на полевых материалах, собранных автором в 2000 – 2004 гг., 2017 г. на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сельских поселениях. Статья написана в рамках концепции неформальной (эксплоярной) экономики или «экономики выживания», фокус исследования которой направлен на изучение хозяйственной деятельности и экономических отношений, нерегулируемых государством, не подлежащих контролю, не попадающих в официальную статистику. В постсоветский период, когда государство ушло с Севера, сообщества коренных народов адаптировались к рыночным условиям посредством неформальных экономических практик, прежде всего по добыче и сбыту рыбных ресурсов, а также за счет развития животноводства, огородничества в целях экономии семейных бюджетов. Это была «экономика выживания», сыгравшая роль амортизатора социально-экономических потрясений, и одновременно прививающая коренному населению навыки предпринимательства. Государство на уровне окружных и районных властей проявило инициативу в создании и поддержке деятельности общин коренных народов, оказывает финансовую поддержку, за счет чего они наращивают активность не только в традиционном природопользовании, но и смежных сферах деятельности, в первую очередь этнотуризме. Государственное нормотворчество предлагает различные меры по поддержке традиционных отраслей хозяйства и одновременно вносит определенные ограничения в неформальные практики, в силу чего люди стремятся дистанцироваться от государства.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, обские угры (ханты и манси), неформальная экономика, государство, традиционное хозяйство, рыбные ресурсы, родовые общины, предпринимательство, этнотуризм.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Как выживают в северном поселке: хозяйственно-экономические практики коренных жителей Северного Приобья // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 70–82. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82>

Сведения об авторе: *Е. П. Мартынова* – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

Scientific Article

UDC 334+394

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82>

HOW TO SURVIVE IN A NORTHERN VILLAGE: ECONOMIC PRACTICES OF THE INDIGENOUS INHABITANTS OF THE NORTHERN OB REGION

Elena P. Martynova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia, ep_martynova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

Abstract. The article deals with the analysis of economic practices of the indigenous peoples of the Northern Ob (Khanty and Mansi). They began to resort to the use of these practices in the period of post-Soviet transformations. The aim of the study is to show how rural residents used various strategies of survival in the conditions of total unemployment and market elements, how they responded to the state initiatives to resolve the North peoples' urgent socio-economic problems. The basis of the study is field materials collected by the author in 2000 – 2004 and 2017 on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in rural settlements. The article is written in the framework of informal (nonpolar) economy or "survival economy" concept, the research focus of which is aimed at studying economic activities and economic relations that are not regulated by the state, are not subject to control, do not fall into official statistics. In the post-Soviet period, when the government withdrew from the North, indigenous communities adapted to market conditions through informal economic practices, primarily in the extraction and marketing of fishery resources, as well as through the development of animal husbandry and horticulture in order to save family budgets. This «economy of survival» played the role of a shock absorber of socio-economic tremors. At the same time, it instilled entrepreneurial skills in the natives. The government, at the level of district and regional authorities, has taken the initiative in creating and supporting the activities of indigenous communities, providing financial support, due to which they are increasing their activity not only in traditional economy, but also in related spheres of activity, primarily ethno-tourism. State regulation offers various measures to support traditional sectors of economy and at the same time introduces certain restrictions in informal practices, due to which people tend to distance themselves from the state.

Keywords: native minorities of the North, Ob Ugrians (Khanty and Mansi), informal economy, state, traditional economy, fish resources, tribal communities, entrepreneurship ethnotourism.

For citation: Martynova, EP 2023, 'How to Survive in a Northern Village: Economic Practices of the Indigenous Inhabitants of the Northern Ob Region', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 70–82, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-70-82> (in Russ.)

Information about the Author: *Elena P. Martynova* – Doctor of Science (History), Professor of the History and Archeology Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia.

Введение

Вопросы адаптации коренных малочисленных народов Севера к рыночной экономике привлекали внимание этнологов, социологов, экономистов, которые писали о возможностях и способах включения рыболовства, оленеводства, охоты в рыночные отношения, об изменениях в этих отраслях хозяйства под влиянием процессов модернизации. Позже внимание этнологов привлек особый аспект этой тематики – браконьерство [2; 10; 16; 18]. В данной статье автор рассматривает хозяйственно-экономические практики, к которым коренные народы Северного Приобья (ханты и манси) начали прибегать в период постсоветских трансформаций. Цель исследования – показать, как сельские жители использовали различные стратегии выживания в условиях тотальной безработицы и рыночной стихии, как они реагировали на инициативы государства по урегулированию острых социально-экономических проблем народов Севера.

Материалы и методы

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в 2000 – 2004 гг., 2017 г. в Нефтеюганском, Сургутском, Октябрьском, Белоярском, Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее ХМАО)¹. Полевые исследования проводились в селениях, которые в советские времена имели статус «национальных», поскольку представители коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) составляли в них большинство. До сих пор в них преобладают жители, относящиеся к категории КМНС.

Автор исходила из концепции неформальной экономики, фокус исследования которой направлен на изучение хозяйственной деятельности и экономических отношений, нерегулируемых государством, не подлежащих контролю, не попадающих в официальную статистику [25; 26; 27]. Т. Шанин предложил использовать для партикулярных практик, к которым россияне часто прибегают в повседневной жизни, понятие «экономика выживания» или «эксплуатационная экономика», которая нацелена не на накопление капитала, а на выживание, обеспечение занятости, использует стратегии избегания соотношений с государством и намеренно дистанцируется от государственных норм [14, с. 2, 14–15].

Неформальные экономические отношения в сфере использования биоресурсов народами Севера и Дальнего Востока были предметом специального исследования коллег-антропологов. Они сконцентрировали внимание на анализе особых отношений скрытых практик и государства, показав, что «отсутствие» государства позволяет местному населению выработать различные собственные стратегии неформального природопользования [6].

Результаты

В советский период большинство жителей северных поселков работало на «градообразующих» предприятиях, которыми чаще всего выступали колхозы или совхозы, реже рыбозаводы². Помимо этого, они трудились в бюджетных учреждениях (школах, детских садах), котельных, лесопилках и т.д. Трудоустройство гарантировало стабильную заработную плату, поэтому рыбалка и охота «вне колхоза» расценивались хантами и манси не как источники дохода, а как способ получения свежих продуктов и любимый вид досуга. Распад и деградация колхозно-совхозной системы в начале 1990-х резко изменили ситуацию. Оказавшись без работы, а, следовательно, без средств к существованию, местное население прибегло к неофициальной добыче местных биоресурсов, произошел всплеск неформальных экономических практик, связанный с отсутствием государственного контроля [18, с. 46]. В этнологическом дискурсе такая ситуация оценивается как уход государства с Севера [6; 10].

На всей территории ХМАО развернулся массовый и почти неконтролируемый вылов ценных пород рыб. Самым прибыльным биоресурсом считался муксун, чуть

ниже расценивались нельма и щокур. «Черная» рыба (щука, налим, язь, лещ, окунь, карась и т.п.) принималась в расчет только как запасные варианты добычи. Наряду с рыбой, монетизируемым ресурсом стали дикоросы – ягоды (клюква, брусника, голубика) и кедровые орехи, а также мясо лося и шкурки соболя. Добычей боровой и водоплавающей дичи хантыйские и мансийские семьи занимались исключительно «для себя». По признанию информантов, систематический «заработок на муксуне» развернулся во всех поселках, расположенных по Оби. Рыба была и главным продуктом питания. Основные нарративы о том времени: «Только на рыбе и рыбой жили», «если бы не рыбалка, мы бы не пережили 90-е годы». Вылов «белой рыбы» носил в 1990-е хищнический характер и не контролировался государственными органами. В рыночных реалиях коренные жители выступали одновременно и продавцами продукции промыслов, поскольку повсеместно преобладал бартерный обмен. Муксун стал играть роль торгового эквивалента, получив, как в дореволюционное время, статус «сибирской валюты». Расчеты за приобретаемые бензин, одежду, стройматериалы, лодочные моторы, снегоходы и даже автомобили велись в «хвостах» муксуна [11, с. 80; 12, с. 708–710; 17, с. 164–168].

Нужно признать, что уход государства с Севера не был полным. Принимая во внимание чрезвычайно высокий уровень безработицы среди КМНС, власти нашли альтернативу распавшимся колхозам и совхозам в виде родовых (национальных) общин. Среди этнолидеров и управленцев округа преобладало мнение, что общины будут способствовать развитию традиционных отраслей хозяйства и сохранению традиционного образа жизни и культуры. Существовала надежда, что такой «этнический ренессанс» в виде разворота к традиционной хозяйственной деятельности позволит преодолеть экономические трудности, прежде всего, снизить уровень безработицы. Однако окунувшееся в стихию рынка население не спешило вступать в общины, надеясь обеспечивать благосостояние за счет самостоятельного сбыта продукции промыслов. Поэтому инициативу взяли на себя районные администрации в лице Комитетов по делам коренных малочисленных народов Севера (Отделов Севера). Комитеты проводили собрания по организации общин и выборам председателей, занимались процедурой закрепления за ними промысловых угодий, выступали посредниками по заключению договоров с рыбоперерабатывающими организациями (рыбозаводами), организовывали финансовую отчетность. Бывшие колхозники по этому поводу сетовали: «Раньше нас в колхозы сгоняли, а сейчас в общины». Руководство видело отличие колхозов от общин в том, что первые владели всей инфраструктурой и получали дотации, а за общинами закреплялись только угодья для пользования [ПМА, Березовский район, 2000; Нефтеюганский район, 2001].

В реальности далеко не все общины КМНС смогли организовать сбыт продукции рыболовства и охоты. Интервью с председателями и членами общин показали, что доходы поступали не от реализации биоресурсов, а от «побочных» видов деятельности – магазинной торговли, обустройства зимников, строительство жилья, заготовки леса [13, с. 111]. Общины нередко оказывались в кредитном долгу по причине правовой и экономической неграмотности руководителей [17, с. 135]. Уровень доходов общинников был низким и не соответствовал их представлениям о достатке. Руководители Отделов Севера признавались, что некоторые общины существовали только *de jure*, а *de facto* бездействовали. Так, в Нефтеюганском районе из 24 общин «работающих» было 11, в Березовском – 14 из 23, остальные существовали лишь «по бумагам» [ПМА, Нефтеюганский район, 2001; Березовский район, 2004].

В начале 2000-х гг. ситуация в стране стабилизировалась, присутствие государства на Севере стало заметным. Общинное движение получило законодательную базу для развития: в 2000 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах орга-

низации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», в 2001 г. появился закон «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». Общинное движение существенно расширилось, в 2007 г. появился реестр общин. Они курируются Департаментом недропользования и природных ресурсов, который ежегодно обновляет информацию о реестре. По состоянию на 31.12.2022 в округе зарегистрировано 94 общины КМНС, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность [19]. В округе сформировалась и действует система государственной поддержки по развитию традиционной хозяйственной деятельности КМНС, направленная, прежде всего, на поддержку общин в виде получения грантов. Они позволяют создавать на базе некоторых общин предприятия по переработке рыбной, мясной, ягодной продукции, закупать транспортные средства и оборудование. На реализацию рыбы и мяса общины получают субсидии от районных властей. Многие информанты считают, что большинство успешно работающих общин КМНС приходится на Ханты-Мансийский район, поскольку там имеется хороший рынок сбыта, отлажена система получения дотаций.

В Нижневартовском и Сургутском районах округа мощным побудительным стимулом организации общин в 1990-е гг. выступил фактор нефтедобычи. Коренные жители стремились объединиться для того, чтобы отстаивать свои права на родовые земли от посягательств нефтяников. «Когда мы с компанией поодиночке договариваемся, нас часто обманывают, мы же малограмотные, плохо разбираемся в бумагах. Нефтяники на всякие уловки идут, чтобы меньше платить. Община нас защищает» [ПМА, Сургутский район, 2002]. К настоящему времени характер взаимодействия общин и нефтяных компаний трансформировался: финансовые вливания от нефтяных компаний играют не последнюю роль в общинных бюджетах. На это обратила внимание Е. Н. Данилова, проводившая полевые исследования в Сургутском районе в 2015–2018 гг.: «Экономические соглашения с нефтяными компаниями являются не только весомым источником дохода хантов, но и дают общине необходимое оснащение, позволяющее осуществлять свою деятельность (транспорт, морозильные камеры и т.п.)» [7, с. 61].

В этнологическом дискурсе общины КМНС рассматриваются как одна из институциональных форм аборигенного (этнического) предпринимательства [17, с. 131–135; с. 156–161]. Общинники занимаются рыболовством, оленеводством, сбором дикоросов посемейно, никаких производственных бригад не создается. Руководство общины (подчас в лице одного председателя) в хозяйственный процесс не вмешивается, а только организует прием продукции, получая соответствующие окружные субсидии. Закупочные цены остаются низкими и не устраивают рядовых членов. Между тем, общины существенно улучшили показатели по трудоустройству коренного населения в округе. Информанты признаются, что остаются в общинах только потому, что в трудовой книжке делается запись о трудоустройстве, что важно при начислении пенсии в будущем. Никакой другой пользы от членства в них не видят, в силу чего неформальные экономические практики по сбыту биоресурсов по-прежнему играют заметную роль в системе жизнеобеспечения коренного населения.

Следует отметить, что в 2010-е гг. деятельность некоторых общин КМНС в округе начала постепенно трансформироваться в сторону развития этнотуризма. Это направление развивается при поддержке властей через субсидии из окружных и районных бюджетов, конкурсы грантов. Региональные СМИ в целях повышения привлекательности занимаются рекламой такого аборигенного бизнеса, а представителей коренных народов убеждают в возможности зарабатывать на приеме гостей. В Березовском районе пионерами этнотуризма выступили общины «Турупья», «Рахтынья», «Элаль» [5, с. 75]. В Сургутском районе одним из успешных в этом деле является стойбище «Хантыйский дворик», организованное в 2016 г. К. Е. Кантеровым как лагерь

для детей, в котором они погружаются в этническую среду, знакомятся с традиционным хозяйством и культурой. Помимо этого, стойбище принимает по несколько туристических групп в месяц, а с лета 2019 г. оно стало IT-стойбищем, повысив свою привлекательность [9; 21]. В 2017 г. услугами этнотуризма в ХМАО – Югре воспользовались 15 тыс. чел., в 2022 г. в два раза больше – 108, 5 тыс. чел. В 2023 г. в округе реализуется 60 туристических программ этнографической направленности [22]. Общины КМНС активно развивают интернет-коммуникации, что дает возможность для самопрезентации без посредников. Многие активны в социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте» [15; 23; 24]. Общинники предлагают туристам отдых на природе, участие в рыбалке, охоте, катание на оленях, знакомят с традициями коренных народов и даже приглашают принять участие в обрядах.

Несмотря на положительные сдвиги, ситуация на рынке труда в сельской местности остается сложной, особенно в небольших деревнях, где, по данным экспедиции 2017 г., безработица среди представителей коренных народов составляла не менее трети. Например, в деревне Тугияны Белоярского района на тот момент проживало 40 чел., а рабочих мест было 12; в деревне Шайтанка Березовского района насчитывалось 31 рабочее место на 122 проживающих, официально зарегистрировано 16 безработных трудоспособного возраста [ПМА, Белоярский, Березовский районы, 2017].

В трудной ситуации часто приходилось слушать ностальгические нарративы по советскому прошлому: «В колхозах работали, нормально все было. Животноводство было, 300 голов скота держали: дойных коров, бычков на откорм. Я пастухом работал. Лошади в колхозе были. Два пастуха было. Целыми днями работали и зарплату получали» [ПМА, Белоярский район, 2017]. Такое светлое былое диссонирует с развалом и упадком 1990-х гг., когда «все развалилось». «Напрасно колхозы сняли. Сейчас работы нет». «Взамен колхозов и совхозов государство ничего не дало. Только Центр занятости создали» [ПМА, Березовский район, 2017]. Подобные дискурсивные практики приписывания нормативной ценности прошлому и создание утопических образов социальной гармонии, изобилия, престижа («изобретение прошлого») распространены в пост- (социалистических, имперских и т.д.) политических контекстах и позволяют критически осмыслить настоящее [3, с. 16].

Люди стремятся искать и находят выход в разнообразных стратегиях адаптации к изменившимся условиям. В последние годы в хантыйских и мансийских деревнях появилась «мода» на содержание лошадей. Предприимчивые сельские жители разводят табуны (по 10–15 голов) для сдачи на мясо. Его реализуют в основном неофициально, через коммерсантов, поскольку конина пользуется спросом среди приезжего населения округа. Повсеместно распространилось огородничество. Им занимаются семьи, занятые в «коммерческой рыбопродаже». В хантыйских и мансийских селениях Белоярского, Октябрьского, Березовского, Ханты-Мансийского районов выращивают картофель, капусту, огурцы, морковь, свеклу, кабачки, помидоры. Около половины семей возводят теплицы. Нужно отметить, что занятие огородничеством не соответствует сакральным установкам обских угров, согласно которым нельзя «ковырять» землю, иначе могут разгневаться духи Нижнего мира и наслать болезни и смерть. Информанты вспоминали, что в 1950 – 1960-е гг. всячески уклонялись от земледельческих работ в колхозах и совхозах. Сейчас это позабыто, огородничество является значимой сферой труда и средством экономии семейного бюджета.

Последнее десятилетие распространенным явлением стал приезд неработающих, преимущественно пожилых, людей в деревни из городов на летний период. В основном приезжают женщины пенсионного возраста, иногда вместе с внуками. В шутку они называют себя «дачниками». Лето проводят на своей малой родине, живут в своих бывших домах, где ведут «дачное хозяйство» – выращивают картофель, овощи. Однозначно судить о том, что лежит в основе такой недавно появившейся

практики нельзя. Одна из информантов заметила, что в прошлом селения обских ургов подразделялись на зимние и летние, поэтому она «касается» из города на дачу в соответствии с традицией. Другие говорили о тяге к природе, проснувшейся в условиях городской жизни, что тесное общение с природой придает силы и сохраняет здоровье. Дача в деревне для кого-то является местом проведения летнего досуга, а для большинства – важным экономическим подспорьем, средством экономии семейного бюджета. Дачницы собирают ягоды, орехи и даже грибы. Выращенный урожай и сваренное варенье перевозят в город. Транспортные расходы перекрываются экономией на покупку овощей. Говорили и о том, что в деревне, по сравнению с городом, на продукты уходит гораздо меньше средств [ПМА, Белоярский район, 2017].

В экспедиции 2017 г. в с. Ванзетур Березовского района мы столкнулись с необычной практикой местного населения – опекуном. В начале 2000-х гг. поселковая школа-интернат оказалась под угрозой закрытия в связи с сокращением числа учащихся и введением нормативного подушевого финансирования. Для спасения школы местные жители (многие из них – представители манси и хантов) начали оформлять опеку над детьми, чтобы увеличить число учеников и, тем самым, сохранить школу, а заодно и рабочие места. «Сейчас многие люди у нас берут приемных детей, в основном из школ коррекции. Берут, чтобы себя прокормить. Это способ трудоустройства. Это рекомендовали, чтобы школу не закрыли» – говорили информанты [ПМА, Березовский район, 2017]. Подобные практики в 2000-е гг. в условиях тотального сокращения рынка труда встречались и в разных регионах России и получили название «экономика усыновления», наряду с юридическим и социальным пониманием этого термина [4]. После закрытия совхоза «Ванзетурский» школа-интернат оказалась «градообразующей» организацией, в которой стабильно выплачивали заработную плату. Принятие на воспитание приемных оказалось успешной стратегией по сохранению школы, рабочих мест и официального трудоустройства.

Большинству жителей поселков и деревень стабильный и в значительной степени предсказуемый доход по-прежнему приносит добыча рыбных ресурсов. Оказалось, что «разворот к рыбе» в 1990-е гг. произошел «всерьез и надолго». Легально рыбу можно сдать через предприятия агропромышленного комплекса (АПК): рыбозаводы, ОАО, ООО, в общины, предварительно заключив договор. Можно говорить о том, что в таких случаях рыбаки имеют дело с государством в лице окружных и районных департаментов, которые своими дотациями влияют на закупочные цены. Эти цены существенно ниже рыночных и не устраивают население, поэтому сдается только часть улова «для видимости» [12, с. 711]. Еще одна проблема заключается в том, что предприятия и общины не могут принимать большой объем рыбы. Не хватает морозильников, мощностей по переработке, случаются сбои в логистике. Отсюда постоянные lamentации рыбаков по поводу плохой организации приемки рыбы: «В начале лета в Пугорах стоял плашкоут. Люди сдавали рыбу, но сдавали не оттого, что дотацию хотели получить, а потому что жара была, рыбу некуда было девать. В самый пик, когда пошла рыба, плашкоут сняли и увезли» [ПМА, Белоярский район, 2017]. «Помню, в прошлом году пошла сосвинская селедка. Всё... люди не знают, куда эту рыбу девать. Никто не принимает» [ПМА, Березовский район, 2017]. «Не умеют наладить сбыт, транспортировку рыбной продукции. Родственники мои рассказывают, что рыбу вываливают, потому что некуда девать» [ПМА, Белоярский район, 2017]. Поскольку легальный сбыт часто пробуксовывает, большая часть рыбных ресурсов реализуется либо через приезжающих в поселки частных предпринимателей, либо через клиентскую сеть путем самостоятельной торговли в городах и крупных поселках. Основной лейтмотив высказываний информантов: «Зимой все время мотаемся в город/райцентр: туда с рыбой, обратно с деньгами и продуктами. Этим и живем».

По мнению ряда экспертов, с которыми довелось беседовать во время экспедиций, «муksуний бум» 1990-х стал основной причиной сокращения популяции в Обском бассейне и запрета на вылов, последовавшего в 2017 г. Сами рыболовы обвиняют в этом нефте-и газодобывающие компании: «Потравили муksуна в Обской губе»; «Газовики на Ямале трубу построили, вот и не стало рыбы»; «Газ на Севере выпустили, муksун от этого пропал» [ПМА, Белоярский, Березовский районы 2017 г.]. Причитания об отсутствии рыбы («нет рыбы», «мало рыбы») стали своеобразной этикетной нормой для жителей северных поселков. Добыча ее при этом продолжается³.

С 2005 г. в стране действует система квот на добычу (вылов) водных биоресурсов, в том числе для обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности КМНС. Для занимающихся рыбалкой представителей коренных народов самым жизненным является вопрос о нормах на личное потребление. По сведениям сотрудников администрации Березовского района, каждый представитель КМНС в 2017 г. имел право выловить 300 кг рыбы в год, в том числе 33,6 кг «белой» (сырок, сосьвинская селедка) и 226,4 кг «черной» (щука, налим, язь) [ПМА, Березовский район, 2017]. Такие лимиты рыбаки расценивают как бюрократические преграды для рыболовства [16, с. 94]. Информанты сетуют: «Вот ввели эти лицензии, квоты?! В деревне же все безработные, они и ловят. Рыбаку рыбу нужно продать, чтобы купить продукты, муку, сахар. Вот это большая проблема». «У нас закон. Ты должен 10 кг в день поймать. Не дай бог ты много поймал – все. Здесь же инспекторы, штрафуют. Ну что он на 10 кг может?» [ПМА, Белоярский район, 2017]. «Три года назад запретили муksуна, сейчас – нельму. Мы можем сделать вывод, что их не стало. Кто едет браконьерить, говорят, что эта рыба не попадает в сети». «Какой смысл квоты оформлять, если сеть у меня все равно больше будет. Все равно оштрафуют. Но ловить-то я не брошу!» [ПМА, Березовский район, 2017]. Такое положение порождает среди местных стремление обойти препоны – «ловить исподтишка», «пока нет рыбнадзора», «все равно всех не поймают», «по ночам ездим рыбачить, пока рыбнадзор спит». Замечу, что браконьерская практика в определенной степени дискредитирует рыбаков в глазах окружающего населения и их самих. Один из информантов точно подметил: «Раньше мы гордо назывались рыбаками, а теперь стали браконьерами» [ПМА, Березовский район, 2017].

Э. Уилсон обратила внимание на подобные коллизии в рыбодобыче на Сахалине. Она увидела в них противопоставление «юридического права» и «морального закона» (Legal and Moral Entitlement). Местные жители утверждают за собой моральное право ловить рыбу, обходя внешние ограничения, угрожающие сложившимся моделям природопользования [28]. По сути, коренное население в сельской местности находится в положении «браконьеров поневоле», которые готовы заплатить штраф, «если поймают», но не следовать юридическим нормам [16, с. 9]. К. Б. Клоков рассматривает «вынужденное браконьерство» как необходимое условие выживания коренного населения Сибири в меняющихся условиях окружающего социума [10, с. 144].

К сказанному нужно добавить, что люди не понимают и не могут разобраться, как действуют официальные нормы регулирования добычи биоресурсов. Работники администраций пояснили нам в 2017 г., чтобы получить квоты нужно пройти через определенную законом процедуру: в поселковый совет или в районный отдел Севера подать заявку, сдать документ о прописке в сельской местности, справку о составе семьи, свидетельство о рождении. Население трактовало формальную норму по-своему: «С собой на рыбалку нужно брать паспорт и свидетельство о рождении, чтобы рыбинспектора могли проверить по списку, ты коренной или нет, есть ли у тебя квота». «Нужно вести промысловый журнал. Это такая книжечка, куда мы вписываем каждый раз пойманную рыбу». «Нужно раз в квартал писать отчет о пойманной рыбе на бумажке, сдать ее в поссовет, потом отчет отправят в Ханты-Мансийск». «Вообще,

квоты – это бумажная волокита. Больше ничего не дают». Поэтому рыбаки предпочитают другой путь: «Нелегальная сдача рыбы идет. Все налажено. Документов никто не требует. Никакой возни бумажной» [ПМА, Октябрьский район, 2017].

В начале 2020 г. государством был принят новый порядок учета лиц, относящихся к категории КМНС – Список, или Реестр. Его составление было инициировано ФАДН совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока. Лидеры Ассоциаций коренных народов Севера поясняют, что реестр позволяет коренным жителям один раз подтвердить свою национальную принадлежность и не предоставлять в дальнейшем документы профильным ведомствам при реализации прав на традиционное рыболовство, охоту и меры государственной поддержки [8]. Рядовые представители КМНС выражают обеспокоенность по поводу волокиты, связанной с оформлением документов, а также опасение попасть под «тотальный» учет. Многие считают Реестр ненужным и не спешат подавать документы на регистрацию. Как и прежде, коренное население склонно минимизировать контакты с бюрократией, ускользая от «всевидающего ока» и контроля государства [6, с. 7].

Заключение

Материалы статьи показывают, что в период кризиса 1990-х среди коренных народов ХМАО – Югры были задействованы разнообразные стратегии выживания. Их сообщества продемонстрировали высокую адаптивность к резко изменившимся условиям, когда государство ушло с Севера. С одной стороны, коренные народы показали приверженность традиционным формам природопользования, с другой – нашли альтернативные способы самообеспечения при тотальной безработице в сельской местности. Их семьи обрели устойчивость благодаря «экономике выживания», прежде всего, через использование разного рода неформальных практик по добыче и сбыту рыбных ресурсов. Они сыграли роль амортизатора социально-экономических потрясений, привили навыки предпринимательства и позволили обеспечить относительное материальное благополучие населения. Государство на уровне окружных и районных властей проявило инициативу в создании и поддержке деятельности общин коренных народов, оказывая им существенную финансовую поддержку, за счет чего они наращивают активность не только в традиционном природопользовании, но и смежных сферах деятельности, в первую очередь этнотуризме. Государственное нормотворчество предлагает различные меры по поддержке традиционных отраслей хозяйства и одновременно вносит определенные ограничения в «экономику выживания». В результате коренное население балансирует в узком просвете между формальными государственными и неформальными рыночными институтами, как между Сциллой и Харидбой [10, с. 160–161].

Примечания

1. Экспедиции 1999 г., 2000 г., 2004 г. были проведены совместно с Е. А. Пивневой, в поездке 2017 г. принимала участие Р. К. Бардина.
2. Этот термин используется в значительной степени условно, поскольку обычно употребляется для предприятий, расположенных в городах. В североведческой литературе он применялся рядом авторов по отношению к северным селениям [3; 10; 20].
3. Аналогичная ситуация описана К. А. Гавриловой в Баренц-регионе [3, с. 13–14].

Список источников и литературы

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика : экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 446 с. Библиогр.: с. 423–447.

2. *Васильева В. В.* Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промышленной продукции на Таймыре // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 61–75. <https://doi.org/10.31857/So86954150006192-1>.
3. *Гаврилова К. А.* Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 13–28. <https://doi.org/10.31857/So86954150006189-7>.
4. *Галиндабаева В., Карбаинов Н.* Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел (на примере Бурятии) // *Журнал исследований социальной политики*. 2020. Т. 18, № 2. С. 207–220.
5. *Голубчиков С. Н., Плисецкий Е. Е., Хетагурова В. Ш.* Перспективы развития этнографического туризма в Арктике (на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2015. № 4. С. 72–78.
6. *Давыдов В. Н., Журавская Т. Н.* Государство и использование ресурсов: введение // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 5–12. <https://doi.org/10.31857/So86954150006188-6>.
7. *Данилова Е. Н.* Юганские ханты и нефть: стратегия сосуществования // «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / отв. ред. Д. А. Функ. М.: ипография Демос, 2019. С. 43–69.
8. *Долгожданный реестр коренных народов вступил в силу* // Север Пресс : информ. агентство. URL: <https://sever-press.ru/news/sever-press/dolgozhdannyj-reestr-korenyh-narodov-vstupil-v-silu/>. Дата публикации: 07.05.2020.
9. *Клим и его команда* // Сургутский муниципальный район Ханты-мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт / Администрация Сургутского района. URL: https://www.admsr.ru/work/architecture/web/2795/79608/?ysclid=lng05pq_fph396155020 (дата обращения: 20.09.2023).
10. *Клоков К. Б.* Между государством и рынком: неформальные практики природопользования в сибирских селах // *Этнография*. 2020. № 1 (7). С. 143–165. [https://10.31250/2618-8600-2020-1\(7\)-142-165](https://10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165).
11. *Мартынова Е. П.* Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // *Вестник антропологии*. 2019. № 2 (46). С. 72–85.
12. *Мартынова Е. П.* «Куда сдаете рыбу и мясо?»: экономические практики на Обском Севере // *Вестник угроведения*. 2018. Т. 8, № 4. С. 705–715.
13. *Мартынова Е. П., Пивнева Е. А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья: (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.
14. *Неформальная экономика России: Россия и мир* / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 574 с.
15. *Община «Хунзи»* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/khunzi?ysclid=lng1nj1ogs65882618> (дата обращения: 19.09.2023).
16. *Пивнева Е. А.* «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // *Вестник антропологии*. 2019. № 2 (46). С. 86–102.
17. *Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка* : (колл. монография) / ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 408 с.
18. *Рахманова Л. Я.* Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры // *Этнографическое обозрение*. 2019. № 4. С. 45–60. <https://doi.org/10.31857/So86954150006191-0>.
19. *Реестр организаций, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре* // Департамент недропользования и природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : офиц. сайт. URL: <https://depprirod.admhmao.ru/> (дата обращения: 19.09.2023).
20. *Степанова О. Б.* Североселькупские совхозы как инструмент социальной политики государства // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2020. № 2. С. 157–166. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-14>.

21. *Сургутский район, стойбище Клина Кантерова* // URL: <https://ugrasr.ru/novosti-i-meropriyatiya/surgutskij-rajon,-stojbishhe-klima-kanterova.html?ysclid=lngoketb4n965176572> (дата обращения: 19.09.2023).
22. *Этнотуризм – визитная карточка Югры* // Информационный центр Сургутского района. Сургут, 2018–2023. URL: <https://ophmao.ru/novosti/main/8991748/?ysclid=lnfytidb1p666398740> (дата обращения: 19.09.2023).
23. *Этнотуризм, стойбище Русских* // Стойбище Русских: природное гостеприимство : сообщество в соц. сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club172909035?ysclid=lng03nvalv996580032> (дата обращения: 19.09.2023).
24. *Этнотуристическая база «Сорни Най». п. Березово* // ВКонтакте : соц. сеть. URL: <https://vk.com/club140555039?ysclid=lng0zpqo9139821933> (дата обращения: 19.09.2023).
25. Castells M., Portes A. World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy // *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries* / ed. by A. Portes, M. Castells, and L. A. Benton. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press. 1989. P. 11–37.
26. Feige E. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // *World Development*. 1990. Vol. 18. No. 7. P. 989–1002.
27. Hart K. The Informal Economy // *Cambridge Journal of Anthropology*. 1985. Vol. 10. No. 2. P. 54–58.
28. Wilson E. Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin // *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia* / ed. by E. Kasten. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. P. 149–168.

References

1. Barsukova, SYu 2004, *Neformalnaya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* (The informal economy: economic and sociological analysis), Izd. dom GU VSHE publ, Moscow, pp. 423–447. (In Russ.)
2. Vasilyeva, VV 2019, 'Infrastruktura vne gosudarstva: «dikiye» zimniki i vyvoz promyslovykh produktov na Taymyr' (Infrastructure outside the state: "wild" winter roads and export of commercial products on Taimyr), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4. pp. 61–75, doi.org/10.31857/S086954150006192-1 (In Russ.)
3. Gavrilova, KA 2019. 'Opasnoye prirodopolzovaniye: rybnyye resursy i nostal'giya po gosudarstvu v Barents-regione' (The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4, pp. 13–28. doi.org/10.31857/S086954150006189-7 (In Russ.)
4. Galindabayeva, V & Karbainov, N 2020, 'Ekonomika usynovleniya kak strategiya vyzhivaniya malyykh sel (na primere Buryatii)' (The economics of child adoption as a survival strategy for small villages. The case of Buryatia), *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 207–220. (In Russ.)
5. Golubchikov, SN, Plisetskiy EE & Khetagurova VSh 2015, 'Perspektivy razvitiya etnograficheskogo turizma v Arktike (na primere Berezovskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)' (Prospects for the development of ethnographic tourism in the Arctic (experience of Berezovskiy District of the Khanty-Mansi autonomous okrug)), *Service and Tourism: Current Challenges*, no. 4, pp. 72–78. (In Russ.)
6. Davydov, VN & Zhuravskaya, TN 2019, 'Gosudarstvo i ispol'zovanie resursov: vvedeniye' (State and use of resources: introduction), *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 4, pp. 5–12. (In Russ.)
7. Danilova, YeN 2019, Yuganskiye khanty i neft: strategiya sosushchestvovaniya (Yugan Khanty and oil: a strategy of coexistence), «Resursnoye proklyatiye» i sotsial'naya ekspertiza v postsovetskoy Sibiri: antropologicheskiye perspektivy ("Resource curse" and social expertise in post-Soviet Siberia: anthropological perspectives), D. A. Funk (ed.), Tipografiya Demos publ, Moscow, pp. 43–69. (In Russ.)
8. 'Dolgozhdannyy reyestr korennykh narodov vstupil v silu' (The long-awaited indigenous peoples' registry is in force), *Sever Press*, viewed <https://sever-press.ru/news/sever-press/dolgozhdannyy-reestr-korennykh-narodov-vstupil-v-silu/>. (In Russ.)

9. 'Klim i yego komanda' (Klim and his squad), Surgutskiy munitsipal'nyy rayon Khanty-mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry (Surgut municipal district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra), *Administratsiya Surgutskogo rayona* (Administration of the Surgut region), viewed 20 September 2023, <https://www.admsr.ru/work/architecture/web/2795/79608/?ysclid=lng05pqfph396155020> (In Russ.)
10. Klokov, KB 2020, Mezhdu gosudarstvom i rynkom: neformal'nyye praktiki prirodopol'zovaniya v sibirskikh selakh (Between the state and the market: informal practices in the use of wildlife resources in Siberian villages), *Etnografya*, no. 1 (7), pp. 143–165. [https://10.31250/2618-8600-2020-1\(7\)-142-165](https://10.31250/2618-8600-2020-1(7)-142-165) (In Russ.)
11. Martynova EP 2019, 'Aborigennoye predprinimatel'stvo v Severnom Priob'ye' (Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region), *Journal of anthropology*, no. 2 (46), pp. 72–85. (In Russ.)
12. Martynova EP 2018, '«Kuda sdayete rybu i myaso?»: ekonomicheskiye praktiki na Obskom Severe' ("Where do you sell fish and meat?": economic practices in the Ob North), *Bulletin of Ugric studies*, vol. 8, no. 4, pp. 705–715. (In Russ.)
13. Martynova EP & Pivneva EA 2001, *Traditsionnoye prirodopol'zovaniye narodov Severnogo Priob'ya: (po materialam Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga)* (Traditional nature management of the peoples of the Northern Ob region: (based on materials from the Khanty-Mansi Autonomous Okrug)), In: *etnologii i antropologii RAN publ, Moscow*. (In Russ.)
14. *Neformalnaya ekonomika Rossii. Rossiya i mir* (The informal economy of Russia. Russia and the world) 1999, T. Shanin (ed.), Logos publ, Moscow. (In Russ.)
15. 'Obshchina «Khunzi»' ("Hunzi" community) 2017, *Vkontakte*, viewed 19 September 2023, <https://vk.com/khunzi?ysclid=lng1nj1ogs65882618> (In Russ.)
16. Pivneva EA 2019, '«Skolko vesit rybiy khvost?»: etnichnost' i byurokratiya v traditsionnom rybolovstve na Obskom Severe' («How much does a fish tail weigh?»: ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North), *Journal of anthropology*, no. 2 (46), pp. 86–102. (In Russ.)
17. Pivneva, EA (ed.) 2021, *Pribyl' ne radi pribyli? Ekonomicheskiye praktiki korennykh narodov Severa Rossii v usloviyakh rynka* (Profit is not for profit? Economic practices of the indigenous peoples of the North of Russia in market conditions), Nestor-Istoriya publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.)
18. Rakhmanova, LYa 2019, Rybaki i kontroliruyushchiye instantsii na Obi: pravoprimeneniye v teni lokal'nykh pravil igry (Fishermen and Supervisory Instances on the Ob' River: Law Enforcement in the Shadow of Local Rules of the Game), *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 45–60, doi.org/10.31857/S086954150006191-0. 4: 45–60. (In Russ.)
19. 'Reyestr organizatsiy, osushchestvlyayushchikh traditsionnyuyu khozyaystvennyuyu deyatelnost korennykh malochislennykh narodov Severa v Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre' (Register of organizations carrying out traditional economic activities of indigenous peoples of the North in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra), *Departament nedropol'zovaniya i prirodnykh resursov Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry* (Department of Subsoil Use and Natural Resources of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra), viewed 19 September 2023, <https://depprirod.admhmao.ru/> (In Russ.)
20. Stepanova, OB 2020, 'Severoselkupskiye sovkhozy kak instrument sotsialnoy politiki gosudarstva' (North selkup state farms as a state social policy instrument), *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 2, pp. 157–166, doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-14. (In Russ.)
21. *Surgutskiy rayon, stoybishche Klima Kanterova* (Surgut district, Klim Kanterov's camp), viewed 19 September 2023, <https://ugrasr.ru/novosti-i-meropriyatiya/surgutskij-rajon-stoybishhe-klima-kanterova.html?ysclid=lng0ketb4n965176572>. (In Russ.)
22. 'Etnoturizm – vizitnaya kartochka Yugry' (Ethnotourism is the trademark of Ugra) 2018–2023, *Information center of the Surgut region. Surgut*, viewed 19 September 2023, <https://ophmao.ru/novosti/main/8991748/?ysclid=lnfytidb1p666398740>. (In Russ.)
23. 'Etnoturizm, stoybishche Russkinykh' (Ethnotourism, the Russkins camp), *Stoybishche Russkinykh: prirodnoye gostepriimstvo* (The Russian camp: natural hospitality), viewed 19 September 2023, <https://vk.com/club172909035?ysclid=lng03nvalv996580032> (In Russ.)

24. 'Etnoturisticheskaya baza «Sorni Nay». p. Berezovo' (Ethno-tourist base "Sorni Nai". Berezovo village), *Vkontakte*, viewed 19 September 2023, <https://vk.com/club140555039?ysclid=lngozpqo9139821933> (In Russ.)
25. Castells, M & Portes, A 1989, 'World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy', *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries*, The Johns Hopkins University Press publ, Baltimore, MD, pp. 11–37.
26. Feige, E 1990, 'Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach', *World Development*, vol. 18, no. 7, pp. 989–1002.
27. Hart, K 1985, 'The Informal Economy', *Cambridge Journal of Anthropology*, vol. 10, no. 2, pp. 54–58.
28. Wilson, E 2002, 'Est' zakon, est' i svoi zakony: Legal and Moral Entitlements to the Fish Resources of Nyski Bay, North-Eastern Sakhalin', *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, E. Kasten (ed.), Dietrich Reimer Verlag publ, Berlin, pp. 149–168.

Статья поступила в редакцию: 10.10.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 10.10.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023